

DOI 10.15826/qr.2017.3.255

УДК 930(470)"20"+316.422+316.423.3

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: ОТ КОЛОНИЗАЦИИ ДО РЕВОЛЮЦИИ*

Рец. на: *Миронов Б. Н.* Российская империя : от традиции к модерну : в 3 т. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2014–2015. – 896 + 912 + 992 с.

Юрий Смирнов

Самарский национальный исследовательский университет,
Самара, Россия

THE RUSSIAN EMPIRE: FROM COLONISATION TO REVOLUTION

Rev. of: Mironov, B. N. (2015). *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity]. 896 + 912 + 992 p. St Petersburg, Dmitri Bulanin. Vols. 1–3.

Yuri Smirnov

Samara National Research University,
Samara, Russia

This article is devoted to a number of issues raised in a new book by B. Mironov. The reviewer focuses on how Mironov interprets the course of Russian expansion and colonization and their influence on internal processes in Russian society and on the destinies of certain regions and ethnic groups. His conclusions about the continuity of the imperial experience and the causes of the Revolution in Russia are of great social and academic importance. The reviewer points out that the author mainly focuses on the critical analysis of the paradigm of the Russian Revolution that has existed for over a century: this paradigm implies that the Revolution had objective grounds and follows a simple scheme, i.e. the “oppression and impoverishment of the population – economic and political crisis – revolution”. The author provides convincing data in his

* *Citation:* Smirnov, Yu. (2017). *The Russian Empire: From Colonisation to Revolution*. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 869–881. DOI 10.15826/qr.2017.3.255.

Цитирование: Smirnov Yu. *The Russian Empire: From Colonisation to Revolution* // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 869–881. DOI 10.15826/qr.2017.3.255 / Смирнов Ю. Российская империя: от колонизации до революции // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 869–881. DOI 10.15826/qr.2017.3.255.

calculations and interpretations which consistently make the reader question the growth of the “need and distress” of the people, since the welfare and quality of life of the population in imperial Russia had been growing steadily. In general, Mironov considers it possible to determine the laws of Russia’s historical path and its prospects relying on the features and dynamics of similar processes in other countries. The reviewer maintains that the work encourages new research and discussions on topical issues of the past, including the prerequisites and nature of Russian modernisation and revolution.

Keywords: Modern Russian historiography; peculiarities of Russian modernisation; paradigm of the Russian Revolution; historical optimism; methodology of research.

Статья посвящена ряду вопросов, поднятых в новой монографии Б. Н. Миронова. Обращено внимание на то, как автор рассматривает и интерпретирует ход российской экспансии и колонизации, их влияние на внутренние процессы в российском обществе, на судьбы отдельных регионов и этносов. Высокую степень общественного и научного интереса имеют его выводы о преемственности имперского опыта и причинах революции в России. Отмечено, что основной исследовательский интерес автора сконцентрирован на критическом анализе господствующей уже более века парадигмы русской революции, которая подразумевает наличие у нее объективных оснований, объясняемых по достаточно простой схеме «угнетение и обнищание населения – экономический и политический кризис – революция». Убедительные данные в его подсчетах и интерпретации последовательно ставят под сомнение нарастание «нужды и бедствий» народа, поскольку благосостояние и качество жизни населения имперской России постоянно росло. В целом Б. Н. Миронов считает возможным определение закономерностей исторического пути России и перспектив движения по нему, предлагая учитывать особенности и динамику схожих процессов в разных странах. Делается вывод о том, что его работы стимулируют новые исследования и дискуссии по актуальным вопросам нашего прошлого, в том числе о предпосылках и характере российской модернизации и революции.

Ключевые слова: современная российская историография; особенности российской модернизации; парадигма российской революции; исторический оптимизм; методология исследования.

Появление каждого нового труда Б. Н. Миронова вызывает повышенный научный и общественный интерес. Не касаясь многочисленных статей и ряда монографических публикаций по специальным вопросам (дореформенный город, математические и социальные методы в историческом исследовании, внутренний рынок, хлебные цены и т. д.), в целом виде его видение дореволюционного прошлого нашей страны первоначально было изложено в «Социальной

истории России периода империи» (три издания в 1999–2003 гг.). Пути дальнейшего развития авторской концепции были намечены в «Исторической социологии России» (2009). Особый резонанс в научной среде вызвала его книга «Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века» (первое издание в 2010 г., второе – в 2012 г.). Выходила она также на английском и китайском языках, сделав Б. Н. Миронова одним из самых известных современных отечественных историков не только на Родине, но и в мире. Бурная дискуссия и ограниченные возможности ответить оппонентам на журнальных страницах вызвали к жизни в 2013 г. полемическую книгу «Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации», в 2014 г. выдержавшую второе издание. Наконец, в 2014–2015 гг. был опубликован трехтомный труд «Российская империя: от традиции к модерну».

Этот трехтомник не стал исключением из правил. Не без основания предполагая новый всплеск внимания к концепции и исследованиям этого автора, резонно было ожидать заинтересованных откликов на книгу, интересно было отследить их форму и содержание.

С удовлетворением теперь можно отметить как наличие развернутой дискуссии, так и то обстоятельство, что ведется она в конструктивном академическом тоне без излишне субъективной и эмоциональной полемики, проявлявшейся ранее в спорах вокруг других книг исследователя. Это было показано на первом широком обсуждении, состоявшемся 28 апреля 2016 г. в Доме ученых Санкт-Петербурга [Обсуждение книги Б. Н. Миронова]. Во второй половине того же года журнал «Былые годы» посвятил специальный номер мнениям о трехтомнике, которые представили 18 экспертов – историков и представителей других областей научного знания, принявших участие в круглом столе и изложивших свои суждения в формате развернутых статей по различным сюжетам книги.

Несмотря на разнообразие поднятых тем и несогласие по ряду позиций, участники пришли к общему мнению в главном – исследование Б. Н. Миронова отражает самые актуальные историографические тенденции [Там же, с. 172]. Организаторы обсуждений справедливо предсказали новой книге «успех у читателя и интерес со стороны профессионального сообщества» [Cherkasov, p. 1061]. Сами эксперты выразили ожидание дальнейших «интересных наблюдений и заключений, которые станут как развитием положений, выдвинутых в этой книге, так и возникнут в дискуссиях по её поводу» [Artamonova, p. 905]. Автор согласился, что и положительные оценки, и критика его труда одинаково необходимы для развития исторической науки [Mironov, p. 1049].

Еще одна дискуссионная площадка, посвященная книге Б. Н. Миронова, была организована в РГГУ 25 мая 2017 г. в рамках традиционной конференции «Стены и мосты». Она имела более четко очерченную содержательную направленность обсуждения: «Как происходят

революции?: к 100-летию революции в России». В ней приняли участие как исследователи, вновь подключившиеся к дискуссии, так и те, кто уже представлял отклики [Smirnov].

Хотелось бы воспользоваться еще одной возможностью обобщить, уточнить и дополнить прежде высказанные наблюдения относительно книги Б. Н. Миронова, учесть выслушанные и прочитанные замечания коллег, которые уже прозвучали в ходе дискуссии. Разумеется, в ограниченном объеме рецензии возможна самая общая оценка большого капитального исследования с акцентом лишь на отдельных конкретных вопросах и деталях.

В самом названии трехтомника обозначен основной вектор развития России в имперской период от традиционного к модернизируемому обществу. В перефразированном из этого названия заголовке рецензии очень схематично отражено содержание рассматриваемого труда. Он содержит 13 глав, первая из которых действительно называется «Колонизация и ее последствия», а последняя, «Итоги развития России в имперский период» (вместе с заключением «Чему учит нас история имперской России?»), говорит как о результатах модернизации империи, так и о кардинальном вопросе нашей истории – причинах революционного перелома в начале XX столетия. Эти две темы и обратили на себя наше внимание прежде всего.

На самом деле движение от традиционного к модернизируемому обществу прослеживается автором не просто от главы к главе, но в каждой из них, имевших все основания стать темами отдельных монографических исследований. Они, по сути, и стали таковыми, но при этом переплелись в законченную картину исторического развития в масштабе самой огромной страны мира на глубину свыше двух веков. Следует перечислить остальные главы в добавление к названным выше, чтобы представить замысел автора и объем проделанной работы: «Социальная стратификация и социальная мобильность», «Демографическая модернизация», «Семья и внутрисемейные отношения», «Город и деревня в процессе модернизации», «Крепостное право: от зенита до заката», «Община и самоуправление как доминирующие формы организации социальной жизни», «Государственность и государство», «Общество, государство, общественное мнение», «Право и суд, преступление и наказание», «Уровень жизни», «Русская культура в коллективных представлениях».

Тема первой главы определена не только порядком изложения материала, который избрал автор, но и собственно логикой строительства империй. Существенными их признаками во все времена были большие размеры и сложный состав, возникший в ходе территориального расширения. В подтверждение приведем коллективный труд ученых Екатеринбурга, где также успешно развиваются исследования по модернизации имперской России. Изложение и в нем открывается разделом, посвященным территориальной экспансии [Россия в XVII – начале XX в., с. 83].

У самого Б. Н. Миронова прозвучавшее в названии первой главы двухтомника «Социальная история Российской империи» выражение «территориальная экспансия и её последствия» изменено, как показано выше, на другое – «колонизация и её последствия» [Миронов, т. 1, с. 75]¹. При этом автор, несмотря на обилие добавлений и изменений, сделанных в новой книге по сравнению с прежней работой, счёл необходимым особо подчеркнуть наличие изменений именно в первой главе «Российской империи...» (т. 1, с. 12). В результате произошла более адекватная замыслу автора расстановка акцентов с того, каким образом шло присоединение новых территорий к России, на то, как в составе империи осуществлялась их интеграция и аккультурация, с одной стороны, а, с другой, как процессы на этих землях влияли на внутреннюю жизнь и модернизацию российского общества и государства в целом.

Б. Н. Миронов доказательно развенчивает ряд мифов, пришедших в историографию из политического дискурса времён борьбы против империи – «тюрьмы народов», огульного отрицания какого бы то ни было её положительного опыта. Им показано, что присоединение новых территорий к России шло на основаниях, достаточных в XVI–XIX вв. для признания «инкорпорации территории суверенным государством по международному праву» (т. 1, с. 113). Автор подчеркивает, что оседлые переселенцы из русских и других народов России в основном осваивали «незаселённые земли Новороссии, Юго-Востока, Северного Кавказа и Сибири» (т. 1, с. 97). Положительными последствиями имперской экспансии и народной колонизации были рост природных ресурсов и земельного фонда, в том числе его качества (особенно при продвижении в южном и юго-восточном направлении), взаимообогащение организационным, хозяйственным, культурным опытом российских этносов (т. 1, с. 261, 263). Убедительно опровергается «мнение о депопуляции» различных народов в западных губерниях, Поволжско-Уральском регионе, на Кавказе в результате якобы стремления имперских властей сделать «жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной» (т. 1, с. 80, 83–85, 168). В российском имперском пространстве, безусловно, отсутствовала характерная для европейцев Нового Света практика «уничтожения коренных народов», а «экспансия никогда не приводила к вытеснению туземного населения в резервации» (т. 1, с. 96).

В числе тех, кто повлияли на представление Б. Н. Миронова о колонизационных процессах, он сам называет не только отечественных, но и некоторых современных зарубежных учёных. Например, к их числу относится А. Дж. Рибер, который обосновывает «экспансионизм российской внешней политики» попыткой преодолеть «факторы слабости» экономически отсталого и географически уязвимо-

¹ Далее ссылки на рецензируемое издание будут даваться в круглых скобках с указанием номера тома и и страниц.

го государства, а отнюдь не «стремлением к мировому господству» (т. 1, с. 92). При обращении к опыту зарубежной историографии Б. Н. Миронов настаивает на необходимости учета того, что популярная среди ряда исследователей «концепция фронта» выстроена преимущественно на опыте колонизации США, когда там уже «господствовали буржуазные отношения, демократические институты». Российская колонизация была гораздо продолжительней, проходила большей частью совершенно на иной исторической основе «и лишь в 1906–1914 гг. – в условиях, более или менее сходных с американскими» (т. 1, с. 113). Возможно, эта реплика адресована в числе прочих историков И. В. Побережникову и другим екатеринбургским исследователям, которыми и была введена в отечественную историографию «идея о пограничности, или фронтности российской цивилизации/модернизации» (т. 1, с. 46). Впрочем, в ходе начавшейся дискуссии Миронов в целом с одобрением отнесся к применению при анализе российской колонизации «фронтной модели» [Mironov, p. 1037].

Автор считает главными причинами российской территориальной экспансии геополитические (т. 1, с. 105). Лишь частично и не везде она была обусловлена экономически (т. 1, с. 107). Поскольку «экономическая выгода и христианское миссионерство в российской экспансии были выражены намного слабее, чем в политике морских держав Западной Европы», то и «факторы безопасности и сотрудничества с коренным населением» играли в ней более заметную роль (т. 1, с. 167). Основными же позовами к колонизации объективно стало аграрное перенаселение, а субъективно – «миграционная парадигма» российских крестьян. Те «всегда были в поисках земли, где жизнь во всех отношениях лучше», идеализируя свои переселения как поиск справедливости и «земного рая» (т. 1, с. 107–108).

Не отрицаются автором и негативные последствия колонизационных процессов – привычка к экстенсивному развитию, задержка урбанизации, трудность коммуникаций, высокие затраты на оборону, этнические, конфессиональные и прочие проблемы. Все они так или иначе сказались и на характере российской модернизации, и на причинах последующей революции.

При большом внимании к пространственно-геополитическим факторам автор не признает существенными природно-климатические особенности России при определении причин ее отставания, в том числе сельскохозяйственного, от стран Запада. Как он считает, «география оказывает определяющее влияние на экономическое и социальное развитие только в примитивных социумах, а в цивилизованном контрольный пакет – на стороне негеографических факторов» (т. 1, с. 269). Для ряда историков это мнение остается спорным. Не сочли его доказанным и участвовавшие в обсуждении представители географической науки (Э. Л. Файбусович, С. Ю. Корнекова), в целом очень высоко оценившие труд автора «с точки зрения возмож-

ного использования в своей научной работе и в учебном процессе» [Обсуждение книги Б. Н. Миронова, с. 184–185].

При всем междисциплинарном характере обсуждения для нас главными остаются отношение к этому труду коллег-историков и его место в современной историографии. Имперская модернизация и, тем более, российские революции имеют много историографических интерпретаций, даже если оставить в стороне публицистические, откровенно политизированные и просто ненаучные трактовки. Для примера приведем открытие Международной научной конференции «Столетие революции 1917 года в России», состоявшееся в МГУ 29 марта 2017 г., на котором приглашенные в качестве почетных гостей лидеры КППРФ и ЛДПР выступили с развернутыми, но односторонними оценками тех событий, в положительном и отрицательном ключе соответственно. Попытки уйти от этих крайностей в выступлениях некоторых других общественных и государственных деятелей, к сожалению, иногда сопровождались нежеланием или неумением определить реальные причины революционного взрыва и ответственные за него силы, использованием некоторых поверхностных рассуждений в духе конспирологии.

Внимание серьезных специалистов-историков все чаще привлекают объяснения событий начала прошлого века в рамках модернизационной теории, или, точнее, теорий, учитывающих существующие вариации этой концепции. Подход, предложенный Б. Н. Мироновым, несомненно, является одним из самых заметных и обсуждаемых. Его отличает множество методов и приемов, заимствованных из самых разных научных течений и школ, если только эти методы и приемы показали свою продуктивность в исследовательской работе. Такой прагматизм дает основание автору книги называть свой подход «интегральным» (т. 1, с. 65–66). При этом он оставляет ведущую роль в российском историческом процессе рассматриваемой эпохи именно за модернизацией, а в методологии его изучения – за модернизационной концепцией.

Достаточно жестко с позиций практической пользы автор критикует некоторые теоретические подходы, распространенные в историографии. Так, он считает, что «целесообразность применения цивилизационной концепции в конкретно-исторических исследованиях России, как правило, только декларируется» (т. 1, с. 44).

Следует учесть трактовку Б. Н. Мироновым цивилизационного подхода в его первоначальной, классической форме. Он считает, что попытки сблизить его с формационной или модернизационной концепциями обесценивают понятие «локальной цивилизации» с ее круговоротом, замкнутостью, смертностью, являются просто данью моде повсеместно употреблять слово «цивилизация» (т. 1, с. 47). В этом он расходится с рядом других исследователей российской модернизации, например, упоминавшейся екатеринбургской (уральской) академической школы историков, возглавляемой

В. В. Алексеевым, которые ставят задачу «объяснить отечественную историю с позиции цивилизационного своеобразия российских модернизаций» [Алексеев, с. 8]. В ответ на эти и подобные сочетания разнонаправленных методологических подходов Б. Н. Миронов указывает, что признание «в российской истории преемственных проблем, ситуаций, процессов», а также «идей и образов, составляющих единый каркас русской культуры», вовсе не означает принятия «цивилизационной парадигмы» как таковой (т. 1, с. 70).

Все же, по мнению Б. Н. Миронова, «вывод о практической пользе цивилизационного подхода в конкретно-исторических исследованиях должен сделать каждый самостоятельно» (т. 1, с. 47). Не случайно он старается подчеркнуть прежде всего наличие схожих моментов в трактовке российской модернизации у себя и у ученых из Екатеринбурга [Mironov, p. 1013]. Чрезмерное же увлечение описанием отдельных событий, личных переживаний, частных жизненных практик и т. п. казусов однозначно воспринимается им как опасность для академической науки. Автор считает, что «исследования повседневной имперской России пока не оправдали возлагавшихся на них надежд» (т. 1, с. 24). Из-за малочисленности необходимых источников они и в будущем вряд ли поднимутся до серьезного обобщения и осмысления, достигнутых, например, исследователями, работающими по истории повседневности советской эпохи.

Действительно, труды Б. Н. Миронова продолжают традиции и достижения тех российских ученых XIX–XX вв., которые с разных позиций (гегельянских, позитивистских, марксистских) искали закономерности «большой истории» в нашем прошлом. За последнюю четверть века ни один из подходов формационного, цивилизационного, постмодернистского или иного звучания пока не привел к столь же полным обобщающим результатам по крупному периоду российской истории, как анализ ее движения «от традиции к модерну» с XVII столетия до 1917 г., предложенный в книгах Миронова. Никто с позиций иных теоретических установок не может утверждать, как рассматриваемый здесь автор: «Я пытаюсь создать, насколько это под силу одному человеку, всестороннюю непротиворечивую картину двухвекового развития России» (т. 1, с. 11).

Самую высокую степень общественного и научного интереса, конечно, вызвали рассмотренные Б. Н. Мироновым вопросы об оценке имперского опыта и причинах революции в России. Во всех случаях, когда есть повод для переживания явлений и событий, важных для национального самосознания, этот историк считает необходимым оптимистически воспринимать явления и события отечественной истории, как обращенные в будущее, так и опрокинутые в прошлое. Он дает однозначный ответ на вопросы, имеющие принципиальное значение. Живем ли мы в стране с нормальным ходом истории, несмотря на все ее драмы и трагедии, были ли «не хуже других» раньше, имеем ли шансы быть на равных с успешными народами и страна-

ми впредь? Или на нашей земле издавна устроен заповедник самых злых бед и несчастий, в котором и придется оставаться далее? Здесь гражданская позиция автора полностью коррелируется с теорией модернизации. Пусть в чем-то отстаем, пусть кого-то приходится догонять, но движемся по магистрали исторического развития.

С позиций научной логики выводы, построенные на теоретическом основании модернизационной концепции, выглядят обоснованно. С точки зрения идейных и политических симпатий могут, конечно, возникать сомнения, хотя, по нашему мнению, повода для них нет. История России – история сильных людей, которые должны быть оптимистами, знать свои достоинства и слабости. Российские историки должны заняться, по словам Б. Н. Миронова, «клиотерапией» (т. 1, с. 18). Это означает помощь нашему обществу в лечении от фобий по отношению к своему прошлому, которые оборачиваются страхом перед будущим, оправданием слабости, а иногда – и предательства. Именно в таком ключе следует подходить к опыту империи, ее удачных и ошибочных ответов на исторические вызовы, решать вопросы о причинах революции в России, о возможности повторения исторических катаклизмов, их вероятной цене и приемлемости несения подобных издержек.

Прекрасно ориентируясь в существующих теориях, по-разному объясняющих природу и механизм революционных потрясений, историк сконцентрировался на критическом анализе господствующей более века парадигмы русской революции. Эта парадигма подразумевает наличие у революций в России объективных оснований, объясняемых по достаточно простой схеме «угнетение и обнищание населения – экономический и политический кризис – революция» (т. 1, с. 11). В известной марксистской интерпретации этой парадигмы, по Ленину, речь идет об ухудшении больше обычного нужды и бедствий народных масс, о нежелании низов жить по-старому, о неспособности верхов по-старому управлять. Миронов доказывает, что такое объяснение причин и условий русских революций принципиально не отличается от их либеральной или народнической трактовок, родившихся раньше марксистской и существовавших параллельно с нею. Не выходят по-прежнему за рамки этой парадигмы и многие современные ученые.

Автор неоднократно демонстрировал умение находить и обрабатывать исторические источники, особенно массовые. Вряд ли можно поставить под сомнение его владение современными методами их анализа, как количественными, так и качественными. Убедительные данные в его подсчетах и интерпретации последовательно ставят под сомнение нарастание «нужды и бедствий» народа, поскольку благосостояние и качество жизни населения имперской России постоянно росло. Беспредельный произвол и угнетение, якобы царившие в России, при внимательном рассмотрении оборачиваются неуклонным движением Российской империи в сторону формирования

правового государства и гражданского общества (т. 2, с. 607, 842). Б. Н. Миронов рассматривает «развитие страны в этот период во всех отношениях успешным, политику правительства – прагматичной, достижения страны – весьма значительными, учитывая обстоятельства, в которых ей приходилось жить и бороться за свое существование» (т. 1, с. 11).

Основным вектором движения имперской России были «модернизация и вестернизация». Ее историческому развитию, по мнению исследователя, были присущи «поступательность и нормальность», даже если смотреть с точки зрения западных образцов. В понятие нормы входят также кризисы, войны, смуты, которых не избежала ни одна страна, шедшая этим путем и преодолевавшая подобные же препятствия. Автор не находит ни признаков особой «трагедийности хода российской истории, ни кровавой драматичности, цикличности, или маятниковости» (т. 1, с. 13). Теория модернизации здесь противопоставлена прежде всего цивилизационному подходу, находящему в российской истории чрезвычайную исключительность и оригинальность, а также связанным с ним культурологическим объяснениям причин русской революции А. С. Ахиезера и других исследователей (т. 3, с. 676). На это было обращено внимание и в материалах дискуссии, в ходе которой на примере новых публикаций были представлены дополнительные доказательства «невысокого познавательного потенциала для объяснения истории России» с помощью методологических подходов, подвергнутых критике в рассматриваемой нами книге [Selunskaja, с. 876].

Обращает на себя внимание, что в пересмотре господствующей парадигмы революции Б. Н. Миронов идет дальше многих других историков, признавая главным локомотивом российской модернизации и прогрессивных реформ государственную власть, царскую монархию, «правлящий класс» (т. 3, с. 651). В частности, монархи активно «поощряли и покровительствовали научной, благотворительной и культурной деятельности своих подданных» (т. 2, с. 694). Это позволило автору поддержать тезис о том, что российский абсолютизм, признавая необходимость широкого распространения образования и принимая на себя за это ответственность, «по сути, не переставал оставаться просвещенным в прямом смысле этого слова» [Артамонова, с. 212].

Вместе с тем в позднеимперской России, по крайней мере, в ее городском пространстве он отмечает появившиеся «элементы гражданского общества» и произошедший в начале XX в. «сдвиг в соотношении сил в пользу общественности» (т. 3, с. 688). Последняя стала отстаивать свое право лечить общественные недуги, не только помогая органам власти, но и участвуя непосредственно в управлении.

К сожалению, самодержавие и общественность не шли на взаимоприемлемые уступки по многим вопросам дальнейшего развития

страны, его путей и темпов. Главной же проблемой было то, что между ними не сложилось компромисса в вопросе о дальнейшем руководстве модернизационными процессами, то есть о власти. В борьбе за власть правительство, землевладельцы и бюрократия, с одной стороны, а, с другой стороны, выдвинувшаяся из среды интеллигенции и буржуазии «контрэлита», подняли волну массового движения, антимодернистского по своей сути. Автор предлагает сравнить триаду лозунгов французской революции «свобода, равенство, братство» с теми, к которым в ходе своего развития очень скоро пришла российская революция: «Земля – крестьянам, фабрики – рабочим, мир – народам, власть – трудящимся». Два последних из них были подсобными и лишь помогали добиться всеобщего «черного передела», подрывавшего всякие модернизационные возможности. Как формулирует Б. Н. Миронов, «большинство народа участвовало в революции во имя восстановления погрязших ускоренной модернизацией традиционных устоев народной жизни» (т. 3, с. 609). Он пребывает в числе ученых, признающих прямую связь быстрой модернизации и экономического роста с политической нестабильностью и социальной напряженностью. Впрочем, сама эта идея была высказана уже в первых работах, которые легли в основу сложившейся в законченном виде концепции модернизации (т. 1, с. 38), в том числе у С. Хантингтона [Huntington, p. 51].

Удар по модернизации в ходе российской революции все же не стал фатальным. В силу исторической неизбежности этот процесс вновь был запущен, но иными социально-политическими силами и под иными идейными знаменами, не имевшими ничего общего ни с монархическим государством, ни с либеральной оппозицией. С этим согласны даже те авторы (например, Р. Саква), которые, в отличие от Б. Н. Миронова, считают российские модернизации по-имперски и по-советски хотя и разными (*alternative modernity*), но одинаково несостоятельными (*mismodernised*) [Sakwa, p. 3].

В концепции Б. Н. Миронова отрицается наличие системного кризиса в позднеимперской России в привычном для историографии понимании «как всеобщего и перманентного кризиса, превратившего российский социум в несостоятельную и нежизнеспособную систему, не способную развиваться и приспособливаться к изменяющимся условиям жизни». Это был кризис развития и трансформации здоровых государственных и общественных структур, который «не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее предпосылки, только возможность». Реальностью революционный взрыв стал «в силу особых обстоятельств», прежде всего в результате «военных поражений, трудностей военного времени и непримиримой и ожесточенной борьбы за власть между оппозиционной общественностью и монархией» (т. 3, с. 690). Наверное, этот перечень «особых обстоятельств», порожденных мировой войной, можно расширить, но самые болевые точки определены адекватно.

Отвечая на замечания коллег-дискутантов, Б. Н. Миронов постарался максимально лаконично обозначить свою точку зрения на роль стихийного и организованного начала в природе российской революции. Она звучит так: «Революцию совершил народ, но организовала и подвигла его на это интеллигенция и сплоченная и законоспирированная оппозиция» [Mironov, p. 1020]. В приведенном высказывании он прежде всего полемизирует с теми авторами, например, с В. П. Булдаковым, кто видят в 1917 г. стихийный народный бунт и психоз. Однако это же высказывание можно адресовать и тем, кто продолжают считать революционные потрясения неизбежной и логичной формой разрешения тех глубоких социальных и политических конфликтов, которые существовали в имперской России (т. 1, с. 17).

В целом выглядит убедительным и привлекательным то, что Б. Н. Миронов считает возможным найти закономерности исторического пути России во всемирном процессе, перспективы движения по нему, особенности прохождения модернизации разными странами, в том числе через революционные повороты и перевороты. В любом случае его книги и статьи стимулируют новые исследования и дискуссии по актуальным вопросам нашего прошлого, среди которых предпосылки и характер российской колонизации, модернизации, революции. Обилие историографического, статистического, иллюстративного и другого материала делает «Российскую империю: от традиции к модерну» еще и уникальным изданием энциклопедического, справочного и учебного звучания. Отнюдь не случайно эта книга посвящена «студентам – бывшим, настоящим и будущим».

Список литературы

Алексеев В. В. Уральская академическая школа историков (к 25-летию основания) // Урал. ист. вестн. 2013. № 1 (38). С. 4–15.

Артамонова Л. М. Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2. С. 101–113.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014–2015. 896 + 912 + 992 с., ил.

Обсуждение книги Б. Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну» в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014–2015. 896 + 912 + 992 с., 383 табл., 539 ил. // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 172–200.

Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации / отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург : УрО РАН, 2006. 342 с.

Artemonova L. M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы : Рос. ист. журн. 2016. № 41–1 (3). С. 899–907.

Cherkasov A. A. Essays on Historical Optimism // Былые годы : Рос. ист. журн. 2016. № 41–1 (3). С. 1053–1064.

Huntington S. P. Political Order in Changing Societies. Ed. 7. N. Haven ; L. : Yale Univ. Press, 1973. 263 p.

Mironov B. N. Do Russians Need Cliotherapia? // Былые годы : Рос. ист. журн. 2016. № 41–1 (3). С. 1003–1052.

- Sakwa R. *Russian Politics and Society*. Ed. 4. L. ; N. Y. : Routledge, 2008. 585 p.
- Selunskaja N. B. In Search of the Best Explanation of Russian History // Былые годы : Рос. ист. журн. 2016. № 41–1 (3). С. 874–881.
- Smirnov Yu. N. The Modernization Concept as an Integrative Framework for the Methodology of Studying Topical Issues in Russian History // Былые годы : Рос. ист. журн. 2016. № 41–1 (3). С. 944–954.

References

- Alekseev, V. V. (2013). Uralskaya akademicheskaya shkola istorikov (k 25-letiyu osnovaniya) [The Ural Academic School of Historians (for Its 25th Anniversary)]. In *Uralskii istoricheskii vestnik*. No. 1 (38), pp. 4–15.
- Artamonova, L. M. (2013). Politika v sfere narodnogo prosveshheniya v Povolzhye (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [State Policy Regarding Public Education in the Volga Region between the 18th and the 1st Half of the 19th Centuries]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 2, pp. 101–113.
- Artamonova, L. M. (2016). Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society. In *Bylye Gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal*. Vol. 41–1. Iss. 3–1, pp. 899–907.
- Cherkasov, A. A. (2016). Essays on Historical Optimism. In *Bylye Gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal*. Vol. 41–1. Iss. 3–1, pp. 1053–1064.
- Huntington, S. P. (1973). *Political Order in Changing Societies*. Ed. 7. N. Haven, L., Yale Univ. Press. 263 p.
- Mironov, B. N. (2014). *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity]. Vol. 1. St Petersburg, Dmitri Bulanin. 896 p.
- Mironov, B. N. (2015). *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity]. Vol. 2. St Petersburg, Dmitri Bulanin. 912 p.
- Mironov, B. N. (2015). *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity]. Vol. 3. St Petersburg, Dmitri Bulanin. 992 p.
- Mironov, B. N. (2016). Do Russians Need Clitherapia? In *Bylye Gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal*. Vol. 41–1. Iss. 3–1, pp. 1003–1052.
- Obsuzhdenie knigi B. N. Mironova “Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu” v 3 t. St Petersburg, Dmitri Bulanin, 2014–2015. 896 + 912 + 992 p., 383 tab., 539 il. (2016). [Discussing B. N. Mironov’s *The Russian Empire: from Tradition to Modernity*: 3 Vols. St Petersburg, Dmitri Bulanin, 2014–2015. 896 + 912 + 992 p., 383 tabl., 539 il.]. In *Istoricheskaya ekspertiza*. Iss. 3, pp. 172–200.
- Poberezhnikov, I. V. (Ed.). (2006). *Rossiya v XVII – nachale XX v.: regionalniye aspekty modernizatsii* [Russia between the 17th and Early 20th Centuries: Regional Aspects of Modernisation]. Yekaterinburg, UrO RAN. 342 p.
- Sakwa, R. (2008). *Russian Politics and Society*. Ed. 4. L., N. Y., Routledge. 585 p.
- Selunskaya, N. B. (2016). In Search of the Best Explanation of Russian History. In *Bylye Gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal*. Vol. 41–1. Iss. 3–1, pp. 874–881.
- Smirnov, Yu. N. (2016). The Modernization Concept as an Integrative Framework for the Methodology of Studying Topical Issues in Russian History. In *Bylye Gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal*. Vol. 41–1. Iss. 3–1, pp. 944–954.

The article was submitted on 09.03.2017